

Дискурс обладает качеством самоорганизации: и для письменных текстов, и для устной речи существует как бы «взгляд со стороны», то есть дискурс по поводу самого дискурса: коммуникативные ходы, комментирующие, ориентирующие и меняющие ход общения или выделяющие его структурные фазы. Такие высказывания встречаются достаточно регулярно, что доказывает во-первых, наличие организации на дискурсивном уровне, а во-вторых, ставит вопрос об изучении коммуникативного вклада метаорганизующих компонентов дискурса в развитие интерактивного общения.

Одними из самых распространенных «метаорганизаторов» интеракции, играющих важную роль в конструировании когнитивного образа ситуации общения, являются дискурсивные слова: частицы, выражения типа *de toute façon, en fin de compte, en définitive*, дейктические элементы дискурса.

Метакоммуникативные элементы играют важную роль не только в структуре дискурса, но и в организации взаимодействия когнитивных структур в рамках интерактивного общения. Когнитивный образ предметно-референтной ситуации, как правило, опирается на знания о предмете общения, связанном с ним предшествующем опыте и вероятностном прогнозировании. Этот образ может быть представлен в виде схемы или модели – некоторой базовой структуры репрезентации знаний о предметно-референтной ситуации, которую называют фреймом. В таких моделях были описаны не только метакоммуникативные функции дискурсивных слов, но также их место и роль в организации интерактивного общения в рамках типизированных стандартных ситуациях общения [2; 3].

Связность дискурса – важнейшая из его отличительных черт. Когезия, или формально-грамматическая связанность дискурса, определяется различными типами языковых отношений между предложениями, составляющими текст, или высказываниями в дискурсе. К четырем аспектам таких отношений (референции; субституции; эллипсису; лексической когезии) добавляют и союзные слова и другие коннекторы, выражающие одно из ограниченного набора отношений, связывающих разные части текста. Когеренция шире когезии, она охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной.

Одним из средств, обеспечивающих как формально-грамматическую (когезия), так и семантико-прагматическую (когерентность) связность дискурса, являются дискурсивные слова, которые в этой функции чаще всего изучаются в качестве так называемых коннекторов [3, с. 19].

Таким образом, дискурсивные слова обладают прагматическими свойствами, многие из которых уже достаточно хорошо изучены. К сожалению, комплексное исследование коммуникативных характеристик дискурсивных слов как отдельной группы дискурсивной лексики с набором только им присущих единичных универсальных признаков все еще не проведено. Однако данный факт указывает на то, что существуют широкие перспективы для дальнейшего более глубокого изучения этой интересной группы дискурсивной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобозева, И.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otip/SpeechGroup/publicqtions/2004/z-3.doc>.
2. Матько, И.Д. Коммуникативно-прагматические функции французских субъективно-модальных частиц дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / И.Д. Матько. – Минск, 2002. – 116 с.
3. Матько, И.Д. Коммуникативные функции дискурсивных модальных частиц во французском языке: монография / И.Д. Матько. – Гродно: ГрГУ, 2008. – 191 с.
4. Садоўская, Н.М. Функцыі абмежавальна-вылучальных часціц французскай мовы ў полі-прэдыкатыўнай структуры выказвання: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.05 / Н.М. Садоўская. – Мінск, 1997. – 131 с.
5. Teston, S. Recherche de critères formels pour l'identification automatique des particules discursives. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sites.univ-provence.fr/~veronis/pdf/2004-LaRochelePart-Disc.pdf>. – Дата доступа: 14.01.2009.

С.В. Шакун (Минск, МГЛУ)

КОННОТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ НЕОЛОГИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Интерес к теории номинации, характерный для современной лингвистики, актуализировал спектр вопросов, связанных с организацией семантической структуры языкового знака.

Традиционно в семантической структуре языковой единицы выделяют два макро-компонента – денотативный и коннотативный. Если денотативный параметр однозначно трактуется исследователями как область семантики, сориентированная на отражение определенного фрагмента объективной

действительности (то есть как логико-предметная часть значения), то коннотативный компонент в концепциях разных авторов представлен противоречиво.

Большинство исследователей признают, что информация, которую несут коннотативно заряженные семы, является дополнительной, второстепенной, факультативной, имплицитной на предметно-логический информационный регистр значения (Н.А. Лукьянова, И.В. Арнольд, И.А. Стернин, В.П. Берков, Э.М. Медникова и др.). Вместе с тем, существует и иная точка зрения, согласно которой «коннотативный компонент семантики языковой единицы является равноправным компонентом ее семантической структуры» [2, с. 2]. Сторонники такого понимания коннотации (В.А. Булдаков, В.И. Шаховский) исходят из того, что «мы понимаем и чувствуем одновременно, так как оцениваем и переживаем одновременно с названием объекта оценки» [6, с. 17], и на этом основании считают утверждение о факультативности, вторичности коннотативного компонента несостоятельным. Данную мысль высказывает и Ш. Балли: «человеческая мысль постоянно колеблется между логическим восприятием и эмоциональным, мы или понимаем, или чувствуем, чаще наша мысль складывается одновременно из логической идеи и чувства. Эти два элемента соединяются в разных пропорциях, поэтому одно всегда преобладает. Наша мысль всегда стремится к тому или иному полюсу, но никогда его не достигает, следовательно, можно говорить о логической или эмоциональной доминанте» [1, с. 71].

Некоторые современные исследователи абсолютизируют значение коннотации в структуре языкового знака, утверждая, что язык сплошь коннотативен, объясняя это тем, что человек ничего не называет объективно. Для человечества не существует объективного мира, независимого от наблюдателя. Структура живой системы и структура среды меняются вместе и взаимосвязано. Языковой элемент соотносится только с преобразованной реальностью, с превращенной формой действительности – психической, и прямых ассоциаций реальность – слово нет [ср. 3, с. 95 – 142]. У. Матурана и Ф. Варела подчеркивают мысль, являющуюся одним из базовых положений современной квантовой физики и синергетики: свойства предметов зависят от их «измерителей», в том числе и приборов / инструментов. Восприятие мира цветных объектов, на анализе которого ученые показывают эту зависимость, не определяется буквально спектральным составом света: «...цветовое восприятие соответствует специфическому паттерну возбуждений в нервной системе, определяемому структурой цвета» [4, с. 20]. Данная идея легко применима к лингвистической проблематике: язык зависим от его носителя, и изменяется, подстраиваясь под изменяющиеся потребности человека.

Поэтому главнейшая задача науки, в том числе и лингвистики – понять, как думаем, как познаем, как видим, для того, чтобы объяснить, как называем.

В настоящее время немецкий язык переживает бум неологизмов. Новые слова связаны со всеми областями жизни общества, но особенно большое количество новых слов появляется в связи с развитием науки, техники, медицины. Также язык активно обогащается за счет лексики, присущей представителям различных профессий, социальных групп. Примерно 80% неологизмов немецкого языка – сложные слова. Это объясняется тем, что слова-композиции, состоящие из двух (а часто и более) слов, являются экономным средством передачи сложных понятий в сжатой форме, а семантические возможности комбинаций слов практически безграничны. К тому же сложное слово, будучи мотивированной лексической единицей, позволяет говорящему донести смысл, который был заложен в слове при его создании до реципиента, а реципиенту правильно интерпретировать услышанное.

Рассматривая коннотативный компонент в семантике новых сложных слов, можно выделить две группы. Первая – сложные слова, именующие новые объекты и явления окружающей среды (первичная номинация). Вторая – сложные слова, отражающие новый взгляд на уже известные объекты и явления (вторичная номинация).

При первичной номинации человек выбирает из всего богатства языка те его средства, которые наиболее адекватно, с его точки зрения, представляют в языке соответствующий объект или явление. При этом в одних случаях внимание номинатора останавливается на объективных признаках описываемого объекта или явления, которые и кладутся в основу наименования. В других случаях человек, напротив, пытается завуалировать суть явления или сформировать определенное отношение у реципиента к именуемому объекту. Эти случаи представляют особый интерес при изучении коннотативного компонента в значении сложного слова.

Так, например *Babyklappe* – специально оборудованное устройство, для приема новорожденных подкидышей. Данный композит разложим на два компонента *Baby* (ребенок) и *Klappe* (задвижка, заслонка), которые по отдельности обладают нейтральной коннотацией. Однако, в значении композита появляется негативная оценка, вызванная образным представлением, что ребенка можно «выбросить», дверь захлопнуть и никто за это ответственности не понесет, что порождает у матерей соблазн тайно избавиться от младенца.

Часто новый объект или явление сопровождается появлением сразу нескольких наименований с различной коннотацией. Так, например, денежные надбавки, предлагаемые жителям ФРГ, особенно

государственным служащим, чтобы мотивировать их поехать на работу, на территорию бывшей ГДР, официально получили нейтральное наименование *Aufwandsentschädigung* (возмещение затрат). Однако одновременно с этим словом в языке появилось сложное слово *Buschzulage* (*Busch* – дремучий лес, *Zulage* – надбавка) с явной негативной коннотацией, так как работа в бывшей ГДР уподоблялась работе в глухом лесу.

Еще чаще коннотативно окрашены сложные слова, возникшие в результате вторичной номинации, фиксирующие новый взгляд на вещи, уже имеющие узуальное обозначение в языке. Повторное наименование либо диктуется появлением нового знания об объекте обозначения, либо имеет целью создать более эмоциональное обозначение объекта или понятия, так как узуальное слово воспринимается как слишком нейтральное [5, с. 140]. Вторичная номинация осуществляется везде, где происходит переосмысление языковой сущности, вызванное изменением взглядов людей на определенный объект или явление.

В процессе вторичной номинации активно участвуют заимствованные слова, выступая в качестве базиса или признака сложного слова. Так, Интернет получил имя *Datenautobahn* (автобан данных, перевод с английского – *Information Highway*), с целью подчеркнуть быстроту передачи данных в Интернете. Однако метафора автобана в сознании многих людей в ФРГ стала теперь приобретать негативный смысловой оттенок, ассоциируясь скорее не со скоростью, а с пробками. Ситуация затора, «попадания в пробку», состояние, когда движение останавливается, оказывается достаточно привычным явлением для тех, кто, обладая персональным компьютером, делает попытки войти в локальные или глобальные коммуникационные сети.

Коннотации являются разновидностью связанной со словом, так называемой, прагматической информации, поскольку отражают не сами предметы и явления действительного мира, а отношение к ним, определенный взгляд на них. Сфера субъективной информации, или сфера прагматики, является более подвижной, диффузной, вероятно, вследствие явной субъективной природы – она связана с внутренними установками говорящего, его ассоциативными связями – привязана к ситуации.

Резюмируя, отметим, что дискуссионный характер перечисленных вопросов делает актуальным более детальное их рассмотрение с целью поиска объективного решения проблемы языковой коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 320 с.
2. Булдаков, В.А. Стилистически сниженная фразеология и методы ее идентификации (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Булдаков. – Калинин, 1982. – 25 с.
3. Матурана, У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95 – 142.
4. Матурана, У. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. Перевод с английского Ю.А. Данилова. / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
5. Степанова, М.Д. Лексикология современного немецкого языка: учеб.пособие / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
6. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В.И. Шаховский – Волгоград, 1983. – 118 с.

О.А. Агабалаева (Витебск, ВГУ им. П.М. Машерова)

ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ)

Функции фразеологических единиц (ФЕ) в тексте обуславливаются как их системными свойствами, к которым, прежде всего, относятся структурная раздельнооформленность, воспроизводимость, наличие переосмысления и образность, так и прагматикой текста [1; 2]. Среди функций ФЕ выделяются констатные функции, то есть присущие всем ФЕ в любых условиях их реализации, и вариативные функции, которые свойственны не всем ФЕ [3, с. 111]. К констатным функциям фразеологизмов относятся номинативная и текстообразующая функции. Под номинативной функцией понимается способность ФЕ называть определенный объект реальной действительности, включая и ситуации [3, с. 111 – 112]. Текстообразующая функция заключается в участии ФЕ в обеспечении когезии и когерентности текста [4, с. 36; 3, с. 217]. Большинство ФЕ реализуют в тексте также стилистическую функцию, под которой понимается способность фразеологизма вносить в текст различные коннотативные оттенки [3, с. 115]. Со стилистической функцией тесно связана прагматическая функция ФЕ, которая определяется как целенаправленное воздействие на адресата [3, с. 114; 5, с. 58].